

казом об отступлении. Все снаряжение (около 200—300 т) было погружено в этой неудобной гавани при помощи одного маленького крана к 5 часам дня. Я последовал за своим отрядом с нашим национальным флагом, который не возвращался в Остенде в течение четырех лет.

ГЛАВА VI

СЛУХИ О ШПИОНАХ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ШПИОНЫ

Слухи и тайна их происхождения занимают во время войны важное место в работе разведывательной службы, потому что слухи оказывают значительное влияние как на армию, так и на население в тылу, а это отражается на моральном состоянии армии. Редко удается обнаружить первоначальные источники тех или иных слухов, ибо самые панические слухи передаются из уст в уста и притом, как все сенсационные сообщения, сильно раздуваются.

Адмирал Мэген, излагая историю испано-американской войны 1898 г., упоминает о вредном влиянии, которое оказал на действия американских морских сил нелепый слух о том, что несколько небольших и плохо снаряженных крейсеров генерала Сервера, якобы, направляются через Атлантический океан с целью атаковать хорошо защищенное восточное побережье Соединенных штатов. Он обрисовал картину паники в отелях и на приморских курортах и рассказал о том, какое давление производилось на правительство, чтобы оно направило военные суда для охраны побережья. Этим замедлилось окружение эскадры Сервера, которому удалось достигнуть укрепленного порта в Сант-Яго на Кубе, и, чтобы ее разбить, пришлось послать экспедиционные силы под командованием генерала Шефтера, жестоко пострадавшие от болезней в этом нездоровом климате.

В августе 1914 г., когда разразилась война, среди гражданского населения Германии ходило немало панических слухов. Контрразведка считалась делом чисто военным и была оставлена в руках командующих армиями, которые были слишком заняты другими делами. Утверждают, что в то время еще не было специального органа по работе контрразведки внутри страны. Результаты этого оказались достаточно серьезными. В стране начала свирепствовать дикая эпидемия шпионской лихорадки. Это происходило, по свидетельству германских авторитетов, главным образом благодаря «глупости и недостаточной компетент-

ности» невежественных местных чиновников, на которых лежала ответственность за контрразведку и которые не предпринимали никаких шагов против распространения ложных слухов.

Один из таких слухов, явный продукт воображения, привел к весьма печальным последствиям. Передавалось из уст в уста, что по стране разъезжают тысячи автомобилей, нагруженных золотом, которое враги, стремясь внести разложение в Германию, намерены расходовать на разведывательную работу, на распространение мятежных доктрин и на военный шпионаж. Из достоверного источника мне известно, что один высокопоставленный дипломат на вопрос, сколько времени нужно германскому правительству, чтобы создать поворот в настроениях германского народа, к изумлению спрашивавшего ответил: «Около двух недель». Легко представить себе, какое влияние на такой легковверный народ оказывал упомянутый слух, исходивший, как вообще полагали, из официальных кругов. Распространение этой необыкновенной легенды по всей Германии привело к тому, что в некоторых районах задерживали каждый автомобиль. В пассажиров стреляли, причем было много человеческих жертв. Было убито несколько правительственных чиновников, разъезжавших по делам службы. Общественные беспорядки и паника стали настолько серьезными, что нарушали процесс мобилизации, и в конце концов генеральному штабу армии пришлось приняться за восстановление порядка. Тогда впали в другую крайность: местные власти, раньше столь сильно поощрявшие агитацию, которая быстро возродила средневековые легенды о чудовищах, совершенно притихли. Маятник слишком далеко качнулся в обратную сторону.

В связи с этими слухами о действии иностранного золота на возможных предателей родины интересно отметить секретные данные, впоследствии опубликованные полковником Николаи, о национальности лиц, осужденных в Германии во время войны по закону об измене: из них немцев — 235, иностранцев — 176, в числе последних 4 австрийца, подданных союзной страны. Среди остальных 172 иностранцев 94 принадлежали к неприятельским нациям, в том числе 46 французов и 3 англичанина; 78 человек принадлежали к национальностям нейтральных государств, в том числе 31 голландец.

Перейдем теперь к Англии. За август, большую часть которого я провел в Лондоне, я располагаю лишь небольшим количеством достоверных сведений о шпионма-

нии и нелепых слухах, распространявшихся в то время. Я жил в Гранд-отеле, на углу Норзсемберленд-авеню, против Трафальгарского сквера, а все дни и значительную часть ночи проводил в адмиралтействе. В течение дня и большей части ночи на улицах толпился народ. Для настроения масс была характерна не паника, а скорее спортивный интерес. На улице стояли толпы, наблюдавшие за тем, как устанавливали зенитное орудие (с 6-фунтовыми снарядами!!) на верхушке адмиралтейской арки. Многие поглядывали на небо в восточном направлении, как будто ожидая, что оттуда внезапно появятся неприятельские аэропланы. Они, вероятно, предвкушали свое восхищение зрелищем, как вражеская эскадрилья будет сбита этой игрушечной пушкой, еще не понимая того, что глупо собираться большими толпами во время воздушного налета. Это было еще до того, как германские бомбы весом в 300 английских фунтов преподали нам соответствующий урок. По ночам непрерывный людской поток с песнями и возгласами проходил мимо моего отеля. Но вскоре все это прекратилось.

Сведения, почерпнутые мной из одного частного письма, давали типичную картину настроения в деревне. В нем сообщалось: «Здесь народ охотно посылает в армию своих сыновей, но ворчит, когда приходится давать своих лошадей!» Мне не приходилось слышать об общественных беспорядках или панике где бы то ни было, но в городах циркулировали слухи и рассказы о шпионах. Особому отделу Скотленд-ярда и полицейским властям по всей стране приходилось работать крайне напряженно. Особый отдел был учрежден еще в мирное время для политических целей: известно, что Англия славилась как убежище иностранцев всех национальностей. Во время войны Особый отдел выполнил огромную работу. Френсис Бэкон писал в XVI в., что «все государства, которые терпимо относятся к натурализации иностранцев, созрели для господства над обширной империей». Но Англии в его дни не приходилось сталкиваться с проблемой укрытия анархистов и тому подобных лиц, приносящих вред другим нациям, или поддерживать порядок в густо населенном Ист-Энде Лондона, где во время воздушных налетов люди в панике спасались бегством в загородные окрестности под защиту изгородей. Во время войны Особый отдел Скотленд-ярда и Особый отдел контрразведки военного министерства, соревнуясь друг с другом в области контроля над опасными иностранцами, в сущности

взаимно дополняли друг друга. Что же касается действительного положения вещей, то мне известно из достоверного источника, что в Англии за время войны не был осужден за шпионаж ни один британский гражданин.

Иначе обстояло дело с распространителями ложных слухов: людей этого типа во время войны было множество, но их всегда было немало в лондонском Вест-Энде и в мирное время. В те дни, когда женщины впервые начали кататься на велосипеде, все гостиные обошел «страшный рассказ» о безрассудной даме, которая каталась на велосипеде, не управляя рулем даже тогда, когда попадала в гущу уличного движения. Сообщалось, что она попала под омнибус, когда пересекала Найтсбридж, выезжая из Гайд-парка; ее растоптали лошади; колесо прошло по шее и отрезало ей голову... Очень многие верили этой истории, хотя ничего об этом не появилось в прессе, где был бы опубликован отчет о судебном следствии по поводу гибели бедной лэди, если бы эта история соответствовала действительности. Многие очень сердились, если их рассказу не верили. Корни этой истории, повидимому, надо искать в сентенции, высказанной старомодным джентльменом, который был шокирован пристрастием дам к велосипедному спорту: «Госпожа X столь безрассудна, что ей хочется кататься на велосипеде, не держась за руль. Что, если она потеряет голову среди шумного уличного движения?» В наиболее раздутых версиях этого рассказа лошади, запряженные в омнибус, были забрызганы кровью; добавлялись и другие ужасные подробности. В обстановке войны слухи, передаваясь из уст в уста, «уточнялись» аналогичным образом. Появилось множество любителей охоты на шпионов. Определенные разновидности сплетен сделали свое дело, заставляя людей дрожать от страха. В наибольшем ходу были истории о «лакеях-иностранцах». Многие из этих лакеев поспешно уезжали из Англии, чтобы вступить в армию своей страны. Возможно, что среди них было немало шпионов, но я не знаю ни одного случая, где бы это было доказано. Но некоторым совершенно безвредным людям, вышедшим из призывного возраста и оставшимся на своей работе, приходилось очень скверно. В качестве примера укажу на одного «Фрица», которого я знал со времени моей и его юности. Впервые я видел его в 1887 г., когда он был официантом в баре старого Гранд-отеля на Стренде; постепенно прогрессируя, он впоследствии стал заведующим рестораном. Кажется, он был австрийцем по националь-

ности. Я мог бы поручиться за этого человека. К величайшему сожалению его британских коллег, среди которых он пользовался популярностью, он был вынужден под давлением общественного мнения оставить свою работу. Это была грустная история. Один симпатизировавший ему официант-англичанин рассказывал мне, что «Фриц» почти умирает с голоду. Затем я потерял его из виду.

Возникавшие слухи были самого разнообразного свойства: сигнализация враждебным воздушным силам; выращивание голубей — несомненно, почтовых; взрывы военных заводов; разрушение железнодорожных мостов; таинственные автомобили, нарушавшие правила освещения. Я сам едва не был арестован ревностным охотником на шпионов из-за того только, что притушенные фары моего форда загорелись ярче обычного в тот момент, когда я выжал конус, останавливая машину. В аристократических семьях оказывались подозрительные швейцарские гувернантки. О людях, игравших большую роль в общественной жизни, рассказывалось, что они заключены в Тоуэр. Я уже раньше писал о других примерах. В одном заслуживающем доверия докладе я прочитал, что в лондонскую полицию ежедневно поступали доносы, примерно на 400 человек, обвинявшихся в шпионаже.

В целом это не принесло большого вреда, хотя некоторые заподозренные претерпели кой-какие неприятности. Известное положительное значение имело то, что на помощь полиции пришло много сыщиков-любителей, а распространение ложных слухов, которые могли сбить с толку врага, было бесполезным. Возьмите, например, слух о массах русских войск, высаживающихся в Шотландии и тайно отправляемых на юг в запечатанных вагонах. Я уже писал об этом в связи с задуманным Черчиллем налетом на Остенде в конце августа 1914 г. Я считал инициатором этого слуха лорда Китченера, основываясь на трюке, примененном им во время войны в Южной Африке.

Мы находились в то время в местности под названием Кенгардт, куда были направлены для подавления восстания в северо-западной части Капской колонии. Там мы получили телеграмму от «К», в некоторой части зашифрованную. В незашифрованной части сообщалось, что «К» лично выступает по направлению к Кенгардту. Зашифрованная часть гласила: «Это будет очень интересно для неприятеля». В Остенде мне показалось поэтому возможным, что в качестве военного министра «К» употребляет сходные методы, чтобы обмануть врага.

Были и другие версии о происхождении слухов о русских войсках. Выше я передал эту историю в абсолютно точной версии, в какой она дошла до меня в Остенде. Один заслуживающий доверия друг, видный историк, впоследствии рассказывал мне, как эти слухи дошли до него в Англии. Он был достаточно хорошо осведомлен в военных делах и поэтому мог расценивать как простую утку эту, по его словам, «невероятную легенду, переходившую из уст в уста в августе и сентябре», между тем как девять человек из десяти, слышавших эту историю, верили всем преувеличениям. Он рассказывал, что по одной версии четыре русских армейских корпуса или даже 250 тыс. русских солдат были будто бы доставлены в Шотландию и Англию через Архангельск (и это при наличии одноколейной железнодорожной линии на севере России!). Такие раздутые истории, по мнению моего знакомого, возникали потому, что в те критические дни все надеялись на неожиданное появление огромной русской армии, которая отбросит назад вторгшиеся в Бельгию и Францию германские войска. Не говоря уже о том, что для перевозки такой армии по территории России и Англии потребовалось бы огромное количество подвижного состава, — для морского транспорта потребовались бы сотни крупных судов, непрерывно курсирующих между Архангельском и шотландскими портами. Откуда могли бы взяться эти суда?

Упоминая об этом слухе, я воспользуюсь случаем воздать должное одному германскому шпиону высшего типа, тоже поверившему этому слуху и передававшему его своему начальству с живописными подробностями о проезжавших через Англию бородатых людях огромного роста, в сапогах, еще покрытых снегом. Я имею в виду Карла Лоди. Упоминание его имени возвращает нас из области вымыслов к суровой действительности¹.

Карл Ганс Лоди, говорят, был выделен самим кайзером и, рискуя своей жизнью, прибыл в Англию, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся после ареста 21 германского шпиона в августе 1914 г., произведенного по указанию Особого отдела. История его походов, начиная с того дня, когда он принялся за выполнение своей опас-

¹ Рассказывая об этом, а также о других тайных агентах, автор пополнил свои личные сведения материалами из книги Фелстэда «Германские шпионы, припертые к стене» — книги, основанной будто бы на официальных данных.

ной миссии, кончая моментом, когда он предстал перед взводом наших солдат в лондонском Тоуэре, излагалась уже не раз, но все же стоит ее повторить здесь.

Вначале Лоди служил в германском флоте, но вышел в отставку, не располагая достаточными средствами для широкого образа жизни, какой вели морские офицеры. С тех пор он числился в резерве морских сил. Он пытался было получить работу в британском туристском агентстве «Томас Кук и сыновья», но ему не удалось. Тогда он поступил в качестве гида на германскую пароходную линию Гамбург — Америка и в напряженные дни, предшествовавшие мировой войне, выполнял эти обязанности в Норвегии. Он приехал в Берлин в тот день, когда Британия вступила в войну (и когда мы интернировали 21 шпиона, которые избежали смертной казни только потому, что их преступления были совершены в мирное время). Затем, движимый чувством патриотизма, он направился в Англию. Как туристский гид он раньше много путешествовал и Англию знал хорошо. Он свободно говорил по-английски с американским акцентом, приобретенным благодаря пребыванию в США, а также благодаря общению с американскими туристами и пассажирами на пароходах линии Гамбург — Америка. У него был паспорт на имя американца Чарльза А. Инглиса. Что стало потом с настоящим владельцем паспорта, мне неизвестно. Этот настоящий Инглис обратился в американское посольство в Берлине с просьбой дать ему визу, годную для путешествия по всей Европе, и посольство направило его паспорт в министерство иностранных дел для получения германской визы. Министерство «затеряло» его: на самом деле фотографическая карточка Чарльза А. Инглиса на паспорте была снята и заменена карточкой Карла Лоди.

Где именно высадился Лоди, не знаю. Как раз в то время страна была наводнена потоками бельгийских и других беженцев. Должный контроль за документами множества эмигрантов был невозможен, так как аппарат был слишком мал, чтобы справиться с возложенными на него обязанностями. Возможно, что Лоди проскользнул вместе с какой-либо партией беженцев. Он впервые выдал себя, находясь в Эдинбурге, где он жил в Северобританской гостинице. Оттуда он послал телеграмму в Стокгольм некоему Адольфу Бурхардту. На телеграмму обратили внимание, так как адресат находился под подозрением. С этого момента все письма Лоди вскрывались и прочитывались почтовыми цензорами, которые в то время начинали раз-

вертывать свою работу. Он не пользовался ни шифром, ни стенографией. Свои письма в Швецию он писал по-английски или по-немецки. В них он описывал линии береговой обороны, вооружение судов и сообщал разные другие секретные сведения. Четырех писем Лоди Бурхардту было бы достаточно для вынесения обвинительного приговора. Трагический конец был неизбежен.

Вскоре Лоди переехал из отеля на частную квартиру. Ввиду его американского акцента хозяйка считала, что «Чарльз А. Инглис» не кто иной, как американский турист, интересующийся местными достопримечательностями. Находясь неподалеку от Фортса, Лоди несколько недель разъезжал по окрестностям на велосипеде, изучая также укрепления Розита, морской базы около Фортс-Бриджа. Затем он отправился в Лондон, где остановился в отеле в Блумсбери, в районе, повидимому, облюбованном германскими шпионами. Из Лондона по тому же адресу он пересылал сведения о наших противовоздушных вооружениях и об устройстве укрытий.

После этого он вернулся в Эдинбург, причем все время находился под наблюдением. 26 сентября он поехал в Ливерпуль. В качестве знатока торгового судоходства он посылал в Берлин полезные для немцев сведения об установке орудий на океанских рейсовых пароходах. Затем он через Холихед отправился в Дублин, где остановился в Гранд-отеле. Из Дублина он сообщил своему корреспонденту в Стокгольм, что избрал путь Дублин — Холихед как благоприятный для получения информации, но подозревает, что за ним следят. Из Дублина он переехал в Килларней, где и был арестован 2 октября ирландской полицией и задержан до приезда представителей Скотленд-ярда, которые отвезли его в Лондон.

В методах Лоди не было никакой гибкости; он не умел даже скрыть порочащие улики. В его бумажнике было обнаружено около 180 английских фунтов, норвежские ассигнации и германские монеты. При нем была также найдена записная книжка, содержащая сведения о последних действиях флота на Северном море, и копии писем к Бурхардту. Лоди был заключен в лондонский Тоуэр. 30 и 31 сентября его судил военный суд и признал виновным. Через пять дней его расстреляли.

На этом мы закончим рассказ о первом шпионе, расстрелянном в Великобритании во время мировой войны, и о первом человеке за последние сто пятьдесят лет, казненном внутри мрачных зубчатых стен Тоуэра. Кажется, ни-

что в такой мере не внушало лондонским жителям сознания суровых условий войны, как казни в Тоуэре.

Благодаря работе контрразведки свыше 30 германских шпионов предстали перед судом в Англии. Из них было расстреляно 12, один повешен, один покончил с собой. В своем месте мы расскажем о шпионах другого типа, не похожих на Лоди. Ни одна женщина-шпионка не подверглась в Англии смертной казни.

В числе других германских шпионов, орудовавших в Англии, было немного немцев; большинство из них происходило из нейтральных государств и работало только за деньги. Они принадлежали к низшей категории людей, погрязших в пороках, и в нашем описании разведывательной службы не место для рассказа о том, в какой агонии трусости и страха кончали свою жизнь эти люди. Я не верю, что мужчины или женщины такого типа добывали или пересылали сведения, имеющие важное военное или военно-морское значение, и сожаление вызывает тот факт, что воюющие страны пользуются такими людьми. По некоторым авторитетным источникам, к таким людям их начальство относилось с подозрением и отправляло их за границу как «шпионов» в расчете на то, что там они будут казнены.

ГЛАВА VII

ПЛОХО СОХРАНЕННАЯ ВОЕННАЯ ТАЙНА

(Дарданелльская операция 1915 г.)

Рассказ о плохо сохранных военных тайнах вполне уместно начать с исторической параллели: мне вспоминается в этой связи знаменитая экспедиция Валькерена в начале XIX в. в описании одного из участников — мичмана, и в частности следующее место из его дневника:

«Положение было следующее: как только министры начали обсуждать вопрос, секрет сразу стал достоянием гласности на континенте, как большинство наших секретных дел в то время. Можно сказать с уверенностью, что почти в каждом случае, когда успех экспедиции зависел от секретности, единственными лицами, не знавшими, в чем дело, были офицеры, которым поручалось командование».

Мое личное знакомство с Дарданеллами и с системой обороны проливов, соединяющих Мраморное море с Сре-

диземным, началось в годы 1883—1886, когда я служил в средиземноморской эскадре на судне «Александра», флагманском корабле покойного адмирала лорда Джона Хея. Старшим артиллерийским офицером был покойный капитан Морис Борк. Однажды мы вместе с адмиралом отправились через проливы в Константинополь на старом «Геликоне», служившем адмиральской яхтой. Когда мы проходили мимо батарей, Борк сделал некоторые полезные заметки. Из сочувствия ко мне, как обреченному на праздность молодому офицеру, и зная, что я недавно прошел как артиллерист основательный курс береговой фортификации, Борк попросил меня помочь ему при составлении доклада.

У нас получился объемистый доклад, обильно иллюстрированный планами и картами. Наше заключение сводилось к тому, что попытка прорваться сквозь кольцо фортов, охранявших проливы у Чанака, при сильном встречном течении, с его неизменным направлением из Мраморного моря в Средиземное, была бы операцией очень рискованной. Она, быть может, имела бы некоторые шансы на успех лишь в том случае, если бы удалось эффективным огнем судовых митральез вывести из строя артиллерийскую прислугу тяжелых орудий нижних батарей, которые не имели прочного прикрытия. Руководители адмиралтейства сердечно поблагодарили нас за наш доклад, и, быть может, отчасти в связи с этим я в 1886 г. в сравнительно молодом возрасте был откомандирован в адмиралтейство для разведывательной работы.

Я упоминал уже о своей следующей поездке в Константинополь в 1892 г. на адмиральской яхте «Сюрпрайз», когда я состоял в штабе покойного вице-адмирала сэра Джорджа Трайона, командующего эскадрой Средиземного моря. Под его руководством я участвовал в создании первого филиала военно-морской разведки в британском флоте. Я упоминал также о том, что укреплению Дарданелл уделялось гораздо больше внимания, чем укреплению Босфора. Турки мобилизовали большие массы рабочих на работы по укреплению фортов, которые стали гораздо более грозными и лучше вооруженными, чем в то время, когда я их впервые увидел. Заметив, что я рассматриваю форты в бинокль, адмирал вызвал меня на мостик и спросил: «Не бросилась ли вам в глаза одна особенность в фортификационных работах?» Я изложил ему свои наблюдения, после чего он заявил: «Вы не заметили одной детали. Только немногие лопаты и кирки, которыми поль-

зуются рабочие, блестят, все остальные ржавые. Они начали копать только теперь, чтобы произвести на нас впечатление».

Яхта «Сюрпрайз» медленно продвигалась против сильного течения, вследствие чего я получил возможность основательно ознакомиться с системой укреплений проливов. Особенно меня заинтересовали замаскированные блиндажи, расположенные на склонах холмов вблизи берега. Я решил, что они предназначены для укрытия часовых, наблюдающих за минными заграждениями. Вообще появление мин коренным образом изменило проблему прорыва через проливы.

Когда в 1893 г. после столкновения с «Кемпердауном» крейсер «Виктория» пошел ко дну вместе с сэром Джорджем Трайоном и командующим эскадрой стал сэр Майкл Калм-Сеймур, я вошел в состав его штаба для восстановления разведывательного отдела, потому что все документы и разработанные по моей системе сводки погибли вместе с кораблем. Я закончил свою работу в 1893—1895 гг. В 1894 г. адмирал на «Сюрпрайзе» прибыл в Константинополь, где он получил аудиенцию у султана. Через несколько месяцев после этого он предложил мне представить свои соображения о возможности для средиземноморского флота, если в этом будет необходимость, прорваться через Дарданеллы и достигнуть Константинополя. Так как я занимался этим вопросом ряд лет, то мог ответить экспромтом: «Поскольку речь идет о фортах, можно ответить утвердительно, но при этом надо иметь в виду неизбежность больших потерь, примерно одной трети флота. При наличии же минных заграждений придется дать отрицательный ответ. Мины будут заложены в узком месте пролива, и потопленные суда загородят проход через проливы. Необходима армия для захвата фортов и пунктов по наблюдению за минными полями до того, как флот будет форсировать проливы. Армия должна быть достаточно сильна, чтобы разбить сосредоточенные там турецкие войска».

Много лет спустя сын Майкла Сеймура, покойный адмирал, носивший то же имя, рассказал мне, что его отец составил доклад в духе моих соображений, а когда в начале мировой войны поднимался вопрос относительно возможности прорыва через Дарданеллы, он высказал свой взгляд с обычным для него мужеством. Вообще сэр Майкл отличался прямолинейностью, а свои взгляды защищал с большой настойчивостью. Рассказывают, что

однажды, после его беседы с морским министром, последний сказал своему другу: «Мне нравится сэр Майкл Сеймур: он восхитителен в своей несдержанности».

В период 1904 и 1907 гг., когда я преподавал «имперскую стратегию» в высшей военной школе в Кемберли, снова мне пришлось столкнуться с дарданелльским вопросом, поскольку я в своих лекциях уделял внимание комбинированным операциям армии и флота. Желая пробудить интерес публики к этому вопросу, я выбрал тему «Сухопутно-морская война» («Amphibious Warfare») ¹ для доклада, прочитанного мной в Уайтхолле в Королевском институте объединенной службы в июне 1907 г. На докладе председательствовал покойный адмирал флота сэр Артур Вильсон, а лорд Робертс открыл дискуссию. Пресса широко освещала это выступление, выразив надежду, что под влиянием общественного мнения и правительство заинтересуется этим делом.

Основное положение моих лекций в высшей военной школе, изданных впоследствии отдельной книгой под заглавием «Сухопутно-морская война», заключалось в том, что для успеха необходимы два условия: во-первых, секретность и, во-вторых, быстрота. Секретность обеспечивается соблюдением особой осторожности, быстрота — тщательной подготовкой операции. Транспорты следует грузить таким образом, чтобы в трюмах сверху лежало то, что в первую очередь понадобится высаженным на сушу войскам; в такой последовательности надо располагать груз до самого дна трюма. Ведомства, на которых лежала ответственность за проведение дарданелльской кампании, не обеспечили ни секретности, ни быстроты. О предстоящем нападении говорилось почти публично. Запасы снаряжения и продовольствия были погружены так, что в египетских портах приходилось опорожнять и перегружать трюмы, и на это уходили драгоценные недели, что было умело использовано германским генералом Лиманом фон Сандерсом. Он подготовил «теплый» прием для вооруженных сил сэра Яна Гамильтона, которые появились у Галлиполийского полуострова лишь в конце апреля. Отсутствие секретности и задержка, вызванная необходимостью перегрузки трюмов скверно нагруженных транспортов, — таковы непосредственные причины, приведшие к кровавой бойне на побережье. Это наиболее яркий пример плохо сохраненной военной тайны, хотя на-

¹ Теперь этот термин стал общеупотребительным.

ступление Нивелля во Франции в 1917 г. в этом отношении напоминало дарданелльскую операцию.

Сэр Дуглас Броунригг, главный военно-морской цензор, рассказывал нам, что в дарданелльские дни 1915 г. его ведомство было сильно загружено работой. Морской министр Черчилль сильно интересовался деятельностью цензуры, что отразилось в его следующем замечании по адресу Броунригга: «Во всем, касающемся этой операции, главный цензор — я, а не вы»¹. Броунригг добавляет, что его ежедневные посещения морского министра в этот период заканчивались приемом в 1 час 30 мин. ночи. Затем Броунригг подбирал поступавшие за ночь радиogramмы, отдавал их перепечатывать и в 9 час. 30 мин. утра отправлялся в спальню Черчилля. Вот как Броунригг описывает обстановку приема его Черчиллем в утренние часы: «Черчилль, с толстой сигарой во рту, лежал на исполинской кровати, под стеганым одеялом, на котором в беспорядке были разбросаны разноцветные папки. На коленях у него лежал блокнот. Тут же, у него в ногах, сидел стенограф. На столике возле кровати стоял стакан горячей воды».

Трудно предположить, чтобы мистер Черчилль в качестве главного военно-морского цензора мог допустить утечку секретных сведений: их разглашение должно было погубить операцию, которой он посвятил все свои помыслы. По всей вероятности, тайна просачивалась где-нибудь в другом месте. В Портсмуте, где я в то время находился, эта тайна была у всех на устах.

Не будучи в то время связанным с Уайтхоллом, я написал письмо своему другу, близкому к правительственным сферам. Я просил его постараться убедить начальствующих лиц в необходимости тщательно изучить проблему, прежде чем действовать, а главное — не забывать о турецкой армии. Я настаивал² на том, что условием успеха комбинированной операции на суше и на море является превосходство сил десантной армии над неприятельской в момент десанта и в том пункте, где он производится. Отсюда моя тревога. Судя по представленному впоследствии отчету членов комиссии, учрежденной для обследования дарданелльских событий, турецкая армия при составлении плана была почти сброшена со счетов.

¹ Sir Douglas Brounrigg, *Indiscretions of a Naval Censor* («Нескрытные признания морского цензора»).

² Книга «Sea, Land and Air Strategy» («Стратегия сухопутной, морской и воздушной войны»), изданная в августе 1914 г.

Если бы даже флоту удалось прорваться сквозь минные заграждения и огонь батарей, беспомощные транспортные суда с войсками, снаряжением и запасом топлива не смогли бы пройти проливы, ибо подвижные орудия и гаубицы турецкой сухопутной армии с легкостью помещали бы их продвижению.

Попытка прорваться через Дарданеллы силами одного только флота окончательно потерпела крах уже к 18 марта. Она и привела к значительным потерям: несколько боевых кораблей было потоплено минами, остальные были серьезно повреждены. Тогда наше намерение форсировать проход через проливы стало рекламироваться широко. К тому времени стало очевидно, что для этого нужна сухопутная армия, и сэр Ян Гамильтон был назначен ее командующим. В письме, которое лежит передо мной, он рассказывает, что 13 марта, когда он пришел в кабинет Китченера прощаться, военный министр был занят решением вопроса о выборе между тремя проектами инструкций, составленными для сэра Яна. Все три проекта были озаглавлены одинаковым образом: *«Константинопольские экспедиционные силы»*.

Прочтя это, сэр Ян сразу понял, что секретность — главный фактор успеха — может быть утрачена. Если бы он знал, что зло свершилось, он несомненно потребовал бы полномочий для составления собственного, совершенно нового плана, который в случае сохранения тайны мог бы привести к успеху. Так поступил Питт младший в бытность премьер-министром по отношению к генералу Крэгу, когда, по предложению последнего, он направился весной 1805 г. (в год трафальгарской битвы) в район средиземноморских сил.

Сэр Ян пишет мне, что, прочитав одни только заголовки этих документов военного министерства, он стал «умолять» лорда Китченера изменить эти заголовки, потому что они раскрывали цель экспедиции. Тогда Китченер заменил слово «Константинопольские» словом «Средиземноморские». Оригиналы этих документов хранятся в Имперском военном музее.

В период длительной задержки, вызванной перегрузкой транспортных судов, сэр Ян находился в Египте. В египетских газетах до конца марта публиковались подробности о каждом прибывающем транспорте войск или военных грузов и «без малейшей тени какой-либо сдержанности» указывалось, что эти транспорты направляются на Галлиполийский полуостров. Сэр Ян жаловался на

это в письме к сэру Генри Мак-Магону, но ничего не добился. Бросая ретроспективный взгляд на грозные события этих дней, он пишет мне, что единственным выходом для него было бы предоставить полную волю всем газетным толкам, а затем, не спрашивая никого, даже лорда Китченера и правительство, высадиться в другом месте, в Андрамите или Смирне. Именно таким образом, — высадившись в Исмаиле, в Суэцком канале, а не в Александрии, вопреки всеобщему ожиданию, в том числе и правительства, — лорд Уолсли в 1882 г. так легко выиграл египетскую кампанию. Я с тревогой следил за судьбой моей бригады морской пехоты, которая входила в состав галлиполийских сил, и надеялся, что подобное изменение произойдет и в данном плане, получившем столь широкую огласку. Генерал в своем письме ко мне указывает также, что он не имел полномочий главнокомандующего в том объеме, как Уолсли в 1882 г., тем более, что в данном случае и французское правительство «принимало участие». Вот заключительные слова его письма:

«Если бы они (надлежащие власти) проявили сообразительность хотя бы в масштабе школьника, то можно было бы добиться того, что половина турецких сил, с которыми я столкнулся при высадке, поджидала бы меня в другом месте — на расстоянии, примерно, ста миль».

Несмотря на тяжелые потери, войска сэра Яна, проявлявшие большой героизм, высадились на берег. Они не достигли своей цели. Гласность поставила их в слишком невыгодное положение. Общие потери в сражениях достигли, примерно, 113 тыс. человек, в том числе убитых в бою или умерших от ран 30 500. Галлиполийский полуостров остался в руках турок. О размерах потерь от болезней и других причин можно судить по общему количеству участников операции, как принимавших участие в военных операциях, так и находившихся в тылу: это количество достигло почти 470 тыс. человек, хотя максимальное число войск, занятых одновременно на этом театре военных действий, никогда не достигало 128 тыс. человек.

Если начало этой кампании, вследствие неумения сохранить военную тайну, оказалось неудачным, то ее конец благодаря обеспечению военной тайны ознаменован крупными успехами. Когда в целях предотвращения дальнейших потерь было решено увести войска из Галлиполи, то отступление в декабре 1915 г. и в начале января 1916 г. было проведено без человеческих жертв. До сегодняшнего дня в некоторых военных кругах держится мне-

ние, что тайное отступление нашей армии, и притом без потерь, под командованием сэра Чарльза Монро, казавшееся неосуществимым в условиях непосредственного соприкосновения с турецкими войсками, может быть объяснено только подкупом турок. В подтверждение этой версии не приведено ни малейших доказательств.

Обстоятельства, при которых было решено предпринять эту кампанию, еще до сих пор полностью не выяснены, и я со своей стороны не могу восполнить этот пробел. Комиссия по расследованию дарданелльских событий (в которой я в качестве эксперта давал заключение о различной эффективности орудийного огня с палубы движущегося судна и гаубичного огня с устойчивых платформ на суше) констатировала, что большое наступление против турок в то самое время, как у нас нехватало людей и снаряжения для одновременно санкционированного наступления во Фландрии, было предпринято под давлением великого князя Николая. Повидимому, в то время существовало ошибочное предположение, что русские не смогут на Кавказе удержать фронт против турок; однако задолго до того, как военный совет принял решение об операции в Дарданеллах, морской или сухопутной, положение на Кавказе полностью стабилизировалось благодаря победам русских над турками.

Наблюдается резкое расхождение мнений по вопросу о том, какие преимущества получила бы Антанта, если бы сэру Яну Гамильтону удалось заставить турок очистить Галлиполийский полуостров, оставив в их распоряжении азиатский берег и Константинопольский район по обе стороны Босфора. В то время полагали, что появление нашего флота близ Константинополя вызовет в Турции революцию против германофильского правительства и что Турция порвет союз с центральными державами. Я не имел возможности проверить источник этой важной версии. Если бы Турция стала на этот путь, то для стран Антанты открылся бы путь в Черное море для снабжения русской армии снаряжением, в котором она остро нуждалась, а русская армия, сражавшаяся с турками, возможно, была бы использована против германских и австро-венгерских армий. Фердинанд Болгарский, сидевший тогда между двух стульев, несомненно, примкнул бы к союзникам, а не к немцам. Сербия была бы спасена. Вооруженные силы России, Румынии, Болгарии, Сербии, Греции и Италии на восточном и южном фронтах, подкрепленные, может быть, также британскими и французскими войсками,

могли бы оказать сильный нажим на центральные державы. Войска Британской империи, оперировавшие в Месопотамии и в Египте, а также войска, используемые затем в Персии и для завоевания Палестины и Сирии, освободились бы для более эффективного применения. Чудовищное напряжение, которое требовалось от торгового флота и от охранявшего его военного флота, было бы облегчено.

Но описание соблазнительных перспектив и возможностей, которые открывались в случае успеха галлиполийской кампании сэра Яна Гамильтона, далеко выходит за рамки нашего изложения. Небольшую средиземноморскую экспедицию Питта, снаряженную с большим трудом в Портсмуте по инициативе Крэга в 1805 г. и приведшую к трафальгарской битве, как-то сравнивали с коварным микробом, вызвавшим разложение наполеоновской империи¹. Но тот современный Питт, который через сто лет, увлеченный соблазнительными перспективами, затеял галлиполийскую экспедицию, войдет в историю неудачником. Основной тому причиной было отсутствие военной тайны и необходимой быстроты действий. В 1915 г. не вражеская империя, а сама экспедиция была заражена микробами разложения. «Крошечным микробом» в данном случае являлась не сама экспедиция, а широкая огласка ее снаряжения, что и привело к неудаче экспедиции.

ГЛАВА VIII

ОПАСНЫЙ ШПИОН

(1915)

Вернемся к Англии, где орудовали тайные агенты врага, которые старались выведать наши секреты, касающиеся расположения морских сил дарданелльской экспедиции, перевозки войск на западный фронт и в другие места.

Я уже упоминал об устроенной контрразведкой облаве на германских тайных агентов 4 августа 1914 г., о попытках германской разведки заполнить образовавшийся прорыв, о трагическом конце Карла Лоди, офицера резерва германского флота, агента-патриота, у которого, однако, не хватало гибкости, необходимой для успешной шпионской работы в военное время. В тот период нам ничего не было известно о том, что в Англии находится значительно более

¹ Corbett, The Campaign of Trafalgar («Трафальгарская кампания»).

опасный агент — Карл Фридрих Мюллер, выдававший себя за русского и оставшийся необнаруженным до февраля 1915 г. Он был обнаружен вследствие непредусмотренного им случайного обстоятельства. Его тайная штаб-квартира помещалась в Детфорде, в доме № 2000¹, по Хай-стрит, единственной улице со столь большим количеством домов.

Действительность подчас более поразительна, чем вымысел. Вокруг имени этого шпиона выросло много легенд, но и в этих легендах меньше сенсации, свойственной современным детективным романам, чем в правдивом рассказе о тех лицах, которые терпеливо выследили личность и местопребывание этого шпиона на основании единственного имевшегося в их распоряжении указания.

Похождения этого шпиона описаны уже в ряде книг, и в большинстве из них повторяется рассказ о том, что он сообщал свои сведения германскому шпионскому центру в Голландии, помещая их в виде объявлений в газетах, которые открыто посылались по назначению. Некоторые утверждают, что он отмечал карандашом интересные для немцев места, другие говорят, что он прибегал при этом к невидимым чернилам или что он писал при этом на полях газет. Возможно, что эти рассказы соответствуют действительности, но я об этом не осведомлен. Если он и прибегал к таким способам, то не в силу этого он был обнаружен и не поэтому разделил судьбу Лоди в лондонском Тоуэре.

Хотя я не служил в Уайтхолле в 1915 г., но находился в Лондоне и продолжал свою работу по охране «уязвимых пунктов» от вредительских актов «злонамеренных лиц». Поэтому я могу удостоверить, что, хотя разговоры о шпионах и вызванная ими шпиономания достигли своей высшей точки в первую половину этого года, таинственный Мюллер (о шпионской деятельности которого первые сведения были получены лишь в феврале) был одним из тех, кто меньше всего вызывал беспокойство у властей.

В январе первый цеппелин совершил налет на восточное побережье Англии. В том же месяце погиб от подводной лодки в Ламанше броненосец «Формидэбл», и тогда же германские крейсера совершили рейд, закончившийся операцией у Доггер-бенка и потоплением германского броненосного крейсера «Блюхер». Во Франции продолжались бои в Шампани. На восточном фронте немцы нанесли поражение русским войскам у Мазурских озер.

¹ Цифра дается вымышленная, чтобы избавить нынешнего квартирохозяина от возможных неприятностей.

В Египте было тревожное настроение в связи с угрозой безопасности Суэцкого канала, пока в феврале не было отбито наступление турок через Синайскую пустыню. Тогда же началась блокада Англии германскими подводными лодками. Наиболее сильное впечатление на английский народ произвели мартовские бои у Нев-Шапель, за которыми последовали бои у Ипра в апреле и мае. Отдаленный гул орудийной канонады был слышен тогда даже в Кенте. Такова была общая обстановка, в которой разворачивалась детективная драма отслеживания Мюллера, наиболее опасного из германских агентов, захваченных в Англии.

Жизнь и побуждения этого человека всегда были для меня тайной. На его последней фотографии видно изможденное лицо с печальными глазами затравленного зверя — загадочное лицо, от которого в памяти остается впечатление роковой обреченности. На основании известных мне фактов я пришел к выводу, что он стал на опасный и тяжелый путь шпионской работы вследствие финансовых затруднений. Его деятельность показывает, что он обладал чертами азартного игрока, не более шепетильного в выборе средств, чем другие лица этой профессии. Он переменял много профессий — был содержателем гостиницы, агентом по продаже автомобилей, участником темных спекулятивных предприятий и т. д. Прожив много лет в Англии, он свободно говорил по-английски и легко сходил за русского из балтийских провинций, за представителя союзной нации, которая в тот ранний период войны так тяжело пострадала и так много сделала для Антанты. Он был поэтому желанным гостем на британской земле.

С февраля 1915 г. британская почтовая цензура полностью развернула свою работу, и некоторые адресаты в нейтральных странах уже подозревались в том, что они получают сообщения от тайных агентов в Англии. Голландия кишела подобными агентами, в Роттердаме их было несколько. Письма, в которых сообщалось о разных пустяках, не вызывавших необходимости в переписке в военное время, всегда возбуждали подозрение цензоров. И вот некий «Л. Коген» писал в таком роде по одному из подозрительных адресов в Роттердаме, указав свой обратный адрес: Детфорд, Хай-стрит, № 2000, — адрес, не соответствовавший его подлинному местожительству.

Существуют некоторые простые средства, как например, молоко, лимонный сок, которые могут служить невидимыми чернилами; они легко проявляются, принимая

темнокоричневый оттенок, если подержать бумагу над огнем. Я вспомнил о своих детских опытах, когда слышал о методах, применяемых почтовыми цензорами: у них всегда наготове горячий утюг, с помощью которого они подвергали испытанию подозрительные письма и проверяли, существуют ли действительно такие глупые взрослые мужчины или женщины, которые прибегают к детским способам передачи тайных сообщений, чтобы в целях спасения жизни скрыть следы своей работы. Подлинное содержание писем «Л. Когена» было установлено с помощью горячего утюга, и, к нашему удивлению, в них содержались точные данные о состоянии готовности отдельных частей формируемой армии, которую немцы ожидали во Франции, а также важные сведения о британском флоте и мерах, которые принимались против подводных лодок. Таким образом был раскрыт наиболее важный канал, по которому информация из Англии передавалась врагу с начала войны. Кто такой «Л. Коген»? Где он находится? Все, что сразу можно было сделать, это проверить подозрения относительно его корреспондента в Роттердаме, и это было сделано. Прошел целый месяц, в течение которого «Л. Коген» в своих письмах требовал платы за свою бесспорно полезную для Германской империи службу.

Затем почтовым цензорам попало какое-то письмо с почтовым штемпелем «Детфорд», направленное по подозрительному адресу в Роттердам. Само письмо ничего особенного не содержало, но в нем было небольшое примечание, сделанное невидимыми чернилами. Содержание его было следующее: *«К. уехал в Ньюкестль, и потому я пишу вместо него из дома № 2000»*. Это было все, но этого было достаточно, чтобы напасть на след. Дело перешло в Особый отдел Скотленд-ярда. Сыщики взялись за работу. Что означает 2000? Это, повидимому, был номер дома. Но где? Почтовый штемпель на конверте «Детфорд». Детфордская полиция сообщила по телефону, что Хай-стрит — единственная улица, имеющая такие большие номера. «Кто живет в доме № 2000?» — «Это лавка булочника». — «Как его зовут?» — «*Петер Ган*».

Таким образом в этой шпионской драме появилось еще одно действующее лицо. Было установлено, что Петер Ган родился в Англии, что он сын натурализованного немца, уже не проживающего в Англии, что в 1910 г. он открыл в Детфорде на Хай-стрит свою булочную и кондитерскую. Через три года он обанкротился, и у него осталось лишь 3 фунта стерлингов для покрытия своих обя-

зательств, достигших суммы 1 800 фунтов стерлингов. Затем Ган каким-то таинственным образом восстановил свое дело, и возможно, что средства разведки, доставлявшиеся Мюллером или другими немецкими агентами в 1913 г., вновь поставили его на ноги. Это интересует нас разве только в том отношении, что объясняет, каким образом Ган стал орудием в руках Мюллера, которого он невольно выдал и обрек на смерть.

Скотленд-ярд действовал быстро. Недостаточно было знать фамилию жильца № 2000, чтобы подтвердить подозрение. Агенты специальной лондонской полиции немедленно арестовали Гана. «Кто такой «К»?» — спросили его. Он ответил, что не знает такого. «Но вы кому-то сообщали, что К. уехал в Ньюкестль?» Ган не пожелал отвечать. Его заключили под стражу, приняв меры к тому, чтобы он не мог предупредить таинственного «К». Теперь на время оставим Гана и проследим дальнейшую охоту за шпионом.

Детфорд густо населен. Есть в нем и благоустроенные кварталы, есть и подозрительные, с непролазной грязью. У Гана было много соседей и покупателей. Он начал свое дело 5 лет назад; его банкротство, сменившееся процветанием, обратило на себя внимание. Полиция, сделав обыск в его помещении, обнаружила, что задняя комната позади лавки являлась, во всяком случае по временам, штаб-квартирой «К». Там оказалась картонная коробка со всеми принадлежностями для писания невидимыми чернилами — перьями, суконкой, раствором аммиака, специальной бумагой и т. д. Опытные полицейские агенты тщательно опросили окружающих. Вскоре какая-то женщина упомянула о человеке, постоянно бывавшем у Гана. Она дала такие сведения: «Высокого роста мужчина, русский, живет в Блумсбери на Рессель-сквере или где-то в этом районе». Фамилия его, по ее словам, как будто, Мюллер.

Слежка была перенесена затем в Блумсбери, где были тщательно изучены списки жильцов во всех пансионах по соседству с Рессель-сквером. В одном наткнулись на фамилию Мюллер. «Кто такой Мюллер? Русский ли он?» — спросил агент хозяйку пансиона. «Да, он русский, — последовал ответ, — его нет в Лондоне, он уехал в Ньюкестль к своим друзьям». «Не можете ли вы дать его адрес?» После некоторых колебаний хозяйка дала адрес, и вскоре охота за таинственным «Л. Когеном», который переправил так много ценной информации по подозрительному адресу в Роттердам, была закончена. Была уста-

новлена его тождественность с Карлом Фридрихом Мюллером, который на следующий день был арестован в Ньюкестле и доставлен в Лондон для предания суду.

При аресте он сначала держался воинственно и протестовал, заявляя, что произошла серьезная ошибка и что нельзя так поступать с подданным союзной державы, с русским, который ненавидит немцев и все их дела. На дальнейших допросах он отрицал свое знакомство с Ганом — такого человека он не знает. Он уверял также, что не умеет говорить по-немецки. Затем, когда ему показали одно из его писем, он погрузился в молчание. Он прекрасно знал языки, свободно говорил по-немецки, по-английски и по-русски, а также по-голландски и по-фламандски. По месту рождения он мог выдавать себя за русского: он родился в Либаве. Ему было 58 лет от роду. Как Мюллер, так и Ган предстали перед судом в Олд-Бейли в мае 1915 г. Это происходило в то самое время, когда после газовой атаки на Ипре в апреле наши вновь сформированные части, поддержанные канадцами и немногими оставшимися в живых солдатами из первого экспедиционного корпуса, проходили через самые тяжкие испытания во втором ипрском сражении: они попали в мешок вследствие обнажения левого фланга и подверглись непрерывной бомбардировке, не прекращавшейся ни днем, ни ночью.

Представленные на суде улики против Мюллера были бесспорны, ясны и документально подтверждены. Следствие было проведено тщательно и продуманно. Мюллер был признан виновным и приговорен к расстрелу как шпион. Ган, ссылавшийся в свою защиту на то, что он являлся лишь исполнителем, был приговорен к 7 годам каторжных работ. Мюллер подал апелляцию, но она была отклонена. Он был переведен в Брикстонскую тюрьму, а оттуда 22 июня в Тоуэр, где на следующее утро приговор был приведен в исполнение.

До хозяев Мюллера в Голландии и в Германии не дошли вести об его аресте и казни. Пока он был в тюрьме и значительный промежуток времени после его смерти цензура продолжала перехватывать ответы на его сообщения, денежные суммы в уплату за них и просьбы о дальнейшей информации. Все это было полностью использовано. Применяя допустимую *ruse de guerre* (военную хитрость), наши агенты продолжали отправлять немцам от имени Мюллера военную информацию с твердой уверенностью, что немцы поверят в нее. За эти дезориенти-

рующие сообщения неприятель любезно уплатил своим от-
правителям 400 фунтов стерлингов.

Лоды, талантливый морской офицер и патриот, и таинственный Мюллер стояли намного выше других международных агентов, среди которых было немало людей продажных и погрязших в разврате. О них я упоминал в конце одной из предыдущих глав. Методы их работы и мотивы, которыми они руководились, мало поучительны, но знакомство с ними подтверждает, что работники разведки кроме ловкости должны обладать и большой выдержкой, воспитанию которой вряд ли способствует грязный и развратный образ жизни.

С типами женщин-шпионок мы познакомимся в одной из последующих глав.

ГЛАВА IX

ЮТЛАНДСКАЯ БИТВА (1916)

1

В целях ознакомления с вопросом, какой информацией может располагать командующий флотом во время современной морской битвы, лучше всего обратиться к истории ютландской битвы 1916 г. Официальные историки уже выяснили все спорные моменты фактического хода событий в этой битве, поэтому нам незачем снова копаться в старых спорах, которым достаточно уделяла внимания общественность и чересчур много пред-
ставители флота. Однако в осведомленности широкой публики еще как будто имеются некоторые пробелы.

Адмирал Шеер, выдвинув вперед эскадру броненосцев и легких крейсеров под командованием Хиппера, вышел в море рано утром 31 мая 1916 г. Предварительно распределив свои подводные лодки перед шотландскими и другими портами к северу от устья Эмбера (Humber), где, по его расчетам, должны были находиться части большого флота Джеллико и крейсерская эскадра Битти, он направился к северу в сторону Скагеррака, будучи вполне уверен, что своевременно получит сведения о приближении превосходных британских сил, с которыми он, разумеется, не имел намерения встретиться. Он был слишком умен, чтобы искать подобной встречи, как бы громко ни кричали об этом в целях пропаганды немцы уже после битвы. Сам Шеер своими высказываниями в печати уже внес достаточную ясность в это дело.

По первоначальному плану Шеер намеревался совершить рейд на Сэндерленд, используя при этом цеппелины, которые должны были предупредить его о приближении Джеллико, а также подводные лодки, которые могли бы потопить несколько британских линкоров, если те попытаются отрезать ему путь. Однако отсутствие видимости для воздушного наблюдения расстроило этот план. Германские подводные лодки покинули гавань 15 мая и не могли оставаться в море дольше, чем до 30 мая. Таким образом, Шеер вышел 31 мая в море с тем, чтобы осуществить другой план — совершить рейд на Скагеррак при поддержке океанского флота.

Не всем известно, что Джеллико, как это ни странно, почти одновременно выработал аналогичный план, рассчитывая заманить германский океанский флот к Скагерраку, чтобы там, вдали от германских береговых укреплений и минных полей, заставить его принять бой. По этому плану две эскадры британских легких крейсеров должны были выйти из Скоу на рассвете 2 июня, быстро пройти Каттегат и прорваться через Большой Бельт и Зунд к выходу в Балтийское море. Одна эскадра британских линкоров должна была отправиться к Скагерраку, чтобы оказать поддержку упомянутым эскадрам. Три подводные лодки должны были занять позицию у рифа Горн, у западного берега Дании, постараться установить наблюдение за германскими кораблями и атаковать любой из них; там они должны были оставаться от 1 до 3 июня. (Эти подводные лодки действительно отправились туда и, находясь под водой, не знали, что происходило во время ютландской битвы; они вернулись в свою базу по истечении назначенного времени, и только там офицеры впервые слышали о происшедшей битве.) Минный заградитель «Абдиель» должен был заложить еще несколько мин в дополнение к тем, которые он заложил в этих местах месяц назад. Сами же Джеллико и Битти должны были в полной готовности ожидать появления океанского флота (High Seas Fleet) где-нибудь к северу от минированного района.

Таков был первоначальный план британской стороны. После германских налетов весной на Лоустофт и Скарборо (там были убиты три гражданских лица, включая женщину и ребенка, и один солдат, ранены 17 граждан и 2 солдата) первый лорд адмиралтейства Бальфур заявил, что часть нашего большого флота (Grand Fleet) направлена к югу. Эскадра старых линкоров действительно была

послана в устье Эмбера, а 31 мая она была перемещена к устью Темзы. Предполагалось, что Шеер, узнав о появлении Бальфура, будет думать, что силы Джеллико опасным образом раздроблены и открывается возможность разбить их по частям.

Таким образом, мы имеем представление о том, каковы были планы борющихся сторон 29 мая.

Любопытно, что после двухлетнего ожидания, решающей встречи даты обоих планов совпадали почти точно. Дата, установленная Шеером, на день опережала дату Джеллико, но могла бы вполне совпасть с ней, если бы подводные лодки Шеера могли держаться в море на один или два дня дольше. Во всяком случае, неоспоримо, что первый приступил к осуществлению своего плана. Он снялся с рейда в Яде (Jade) между 2 и 3 часами утра 31 мая, и, хотя с британской стороны были приняты все меры, чтобы своевременно получить через разведку сведения о передвижении германского флота, только в 4 часа 38 мин. пополудни получилось сообщение, что германский флот миновал Вильгельмсгафен, который расположен южнее Ядского рейда. В море с Шеером неожиданно встретилась эскадра Битти, которая вела разведку для Джеллико.

Мы потом установим, каким образом Шеер сумел сохранить тайну. Прежде всего надо вспомнить кое-что о работе радио, в частности о направленной передаче — о явлениях, ныне общеизвестных, но о которых в то время были еще довольно смутные представления.

В британском флоте считают, что радиотелеграф как практическое средство связи был впервые открыт на борту крейсера «Вернон», в военно-морской торпедной школе, одновременно с Маркони, который пришел к тому же открытию в результате самостоятельных исследований. Первым и наиболее крупным военно-морским специалистом в этой области был недавно умерший адмирал сэр Генри Джексон. Он был моим личным другом и товарищем по службе на корабле «Александра», когда последний, 40 лет назад, был флагманским судном средиземноморской эскадры. Когда я в последний раз был у него в его лондонской квартире, где одна из комнат была заполнена таинственными аппаратами, он показывал мне новые изобретения в области направленного радиовещания. С помощью особого аппарата мы могли с точностью до долей градуса установить местонахождение передающей станции, которую мы слушали.

Техника направленной радиотелеграфии станет в будущем необычайно важной для морской войны. Рассмотрим теперь, какое влияние оказало на ютландскую битву пользование известными в то время достижениями радиотелеграфии.

Я упомянул уже, что с 1913 г. в моем ведении находились тайны об «уязвимых пунктах», которые нуждались в охране от людей, имеющих отношение к подрывной работе. Сэр Уильям Робертсон, который был тогда одним из руководителей генерального штаба, уже опубликовал свое мнение по этому вопросу и объяснил, что именно в этих целях пришлось держать во время войны в Англии войска (около 80 тыс. человек), для которых генеральный штаб мог бы найти лучшее применение в другом месте. Соображения, по которым иные из этих «уязвимых пунктов» нуждались в охране, были столь секретного свойства, что не были сообщены даже мне, и, работая в полной солидарности с моими старыми коллегами из генерального штаба армии, я не сразу решился включить эти пункты в свои списки. В конце концов я сделал это, руководствуясь следующими мотивами.

Сэр Генри Джексон, специалист по радиосвязи, был в то время начальником штаба адмиралтейства. И вот, как-то при мне было упомянуто о «Дионисии». Это дало мне ключ к разгадке.

Однажды я находился на пути от Мальты к Сиракузам, в связи с планом создания голубиной почты между Сицилией и Мальтой на случай войны. Я посетил гористое место, где расселина в скалах образовала нечто вроде пещеры. В самом верху было отверстие, известное под названием «ухо Дионисия». Сама пещера когда-то служила тюрьмой, и если кто-нибудь сверху прикинул ухом к отверстию, он мог слушать разговоры арестованных между собой. Во время мировой войны был принят более современный метод — прятали микрофон в помещении для заключенных.

Располагая таким опытом, я самостоятельно пришел к выводу, что таинственные, неизвестные мне «уязвимые пункты» представляют собой установки «ушей Дионисия» с весьма большим радиусом слышимости. Они не могли не оказаться полезными морскому ведомству, которому важно знать во время войны все, что затевает враг, как бы далеко он ни находился. Шпионы в лучшем случае могут послать информацию тем или иным путем о выходе неприятельского флота из гавани, но только при помощи

«уха Дионисия» можно узнать, что делает этот флот, когда его уже не видно с суши, — разумеется, лишь при условии, что он пользуется беспроволочным телеграфом. Самый факт передачи им сообщения дает возможность определить его местоположение, если известен его позывной сигнал. Что же касается содержания его сообщения, то раскрытие его зависит от умения раздобыть тем или иным путем (как говорят, всеми правдами и неправдами) тайный шифр или код врага. Вот почему я подчеркнул в своих списках «уязвимых пунктов» как *особо важные* все места, которые, по моему мнению, могли быть использованы как «уши Дионисия».

Итак, теперь наша морская драма разыгрывается в волнах эфира или в тех пунктах, где чудеса новейшей радиотехники улавливают их.

На основании изучения германских морских карт известно, что Шеер получал некоторые сведения через подобное «ухо Дионисия» в Неймюнстере, но эта информация была недостаточна и не могла принести ему большой пользы. Кажется, германский радист по ошибке принял наши тральщики, выходившие в море, за линкоры или крейсера. Шеер получал также некоторую информацию от подводных лодок, которые он разместил против Скапа-Флоу и Фертс-оф-Фортса, чтобы они предупредили о приближении Джеллико или Битти. Из полученных сообщений он сделал неправильные выводы. Его сведения были скудными и отрывочными и давали неправильные указания о направлении, по которому в действительности шли корабли.

После этих замечаний мы можем разместить действующих лиц на сцене, прежде чем поднять занавес.

Утром 30 мая большой флот Джеллико был у Скапа-Флоу между Оркнейскими островами, причем одна эскадра линкоров была выдвинута дальше к югу, около Кро-марты. Линейные крейсера Битти и быстроходные броненосцы типа «Куин Элизабет», которыми командовал Ивен-Томас, находились в Фортсе (сама «Куин Лиззи» не могла участвовать в этом предприятии). Адмиралтейские радиоприемные станции знали много о действиях подводных лодок Шеера уже с того момента, как они покинули свои базы (15 мая), и в особенности после того, как они приблизились к восточным берегам Англии и Шотландии. В связи с этим я хочу отметить попутно следующее. Тот факт, что отдел морской разведки адмиралтейства принимал сигналы германских подводных лодок и мог таким

образом следить за их передвижениями, в последнее время приводится в подтверждение старой легенды о «предательстве», приведшем к гибели Китченера. Мною сделано все возможное для опровержения этой легенды. Я утверждаю определенно, что отдел разведки ничего не знал о появлении подводной лодки № 75 у западных берегов Оркнейских островов и о закладке ею мин в этих местах утром 29 мая. Подумайте только: неужели она могла допустить такую глупость, как пользование беспроволочным телеграфом, чем она сразу выдала бы свое присутствие в данном месте! Поистине, любители вредных слухов неисправимы.

Итак, адмиралтейство чего-то ждало, вероятно, демонстративного налета, подобного тому, который был совершен на Лоустофт и Скарборо. Но еще не было достаточного основания, чтобы послать большой флот в открытое море, где ему пришлось бы понапрасну расходовать топливо, — нужно было ждать дополнительных сведений. Но в течение первой половины дня 30 мая, по словам официального британского историка, «появились указания», что германский флот открытого моря сосредоточивается на Ядском рейде, защищенном пункте якорной стоянки судов, в нескольких милях от Вильгельмсгафена.

Зная, что его подводные лодки не могут оставаться дольше в море, Шеер отдал приказ Хипперу отправиться со своими крейсерами к Скагерраку и показаться у норвежских берегов. Сам Шеер, соблюдая величайшую секретность, последовал за ним со своими боевыми силами. «Ухо Дионисия» в Англии было так чувствительно, что передвижение германских судовых передаточных станций из Вильгельмсгафена к Ядскому рейду было сразу замечено в адмиралтействе. В полдень 30 июня было решено, что настал момент для выступления Битти и Джеллико. Адмиралтейство передало им, что германский флот, вероятно, выйдет в море на следующий день рано утром. Лишь 30-го в 5 часов пополудни предположение превратилось почти в уверенность, что предстоят серьезные события; однако мысль о том, что Шеер появится сам, казалась слишком заманчивой, чтобы можно было поверить в нее. Конечно, Хиппер, со своими крейсерами и более легкими кораблями может совершить новый налет, но Шеер ни в коем случае!

После 5 часов пополудни Шеер издал длинный оперативный приказ. Эта «новость» сразу была передана в комнату «розовых секретов» оперативного отдела адмирал-

тейства (наиболее секретные дела печатались на розовой бумаге). Дорога была каждая минута, и до расширения этого документа адмиралам Джеллико и Битти был отдан приказ выйти в море. Они вышли, как только стемнело. Тогда Шеер переместил свои позывные сигналы со своего флагманского судна в Яде на передаточную радиостанцию в Вильгельмсгафен с целью ввести в заблуждение «ухо Дионисия». Уловка удалась. Ни адмиралтейство, ни Джеллико не знали, что Шеер вышел 31 мая до рассвета в море вслед за Хиппером.

Возникает вопрос: каким образом удавалось разгадать содержание германских сообщений? Разве немцы в целях предосторожности не прибегали к шифру?

Раскрыть всю тайну полностью нельзя, пока живы те лица, которые причастны к этому делу. Конечно, во всех флотах существовали правила, при соблюдении которых секретные документы не должны были попадать в неприятельские руки. Уничтожение секретов дело нетрудное, когда сдается врагу надводный корабль, спуская, по-старинке, свой флаг. Свинцовый ящик должен потонуть. Можно потопить и книги с тяжелыми свинцовыми крышками; чтобы выкинуть их за борт, времени всегда достаточно. Если только место не очень мелкое и если оно сразу точно не отмечено, то у противника мало шансов выловить эти документы.

Разумеется, командиры военных кораблей не могут держать в памяти все секретные приказы, карты минных полей и шифры, и кое-что на судне должно быть в письменном или печатном виде. В современном морском бою может случиться так, что надводный корабль охватит сильный пожар и команде придется его покинуть. Корабль может потерпеть крушение, как это было с «Магдебургом» в бою с русским флотом в Балтийском море в августе 1914 г. Или когда тонет находящаяся под поверхностью моря подводная лодка, то командиру не легко выбросить свои секретные документы. Вот где разгадка тех способов, какими шифры германского флота вместе с ключами вариаций попадали в руки противников. После крушения германского крейсера «Магдебург», севшего на скалы у Аландских островов 26 августа 1914 г., ключ к германскому шифру был захвачен русскими моряками. О результатах, к которым это привело, будет рассказано в следующей главе.

ГЛАВА X

ЮТЛАНДСКАЯ БИТВА (1916)

2

Вот ряд сообщений, которые в шифрованном виде были отправлены обеими сторонами по радиотелеграфу за время ютландской битвы.

30 мая в 9 час. 48 мин. вечера Битти сообщил по радио: «Минуя остров Мэй¹, прекратить связь по радио за исключением случаев обнаружения неприятеля или необходимости отвечать адмиралу».

В 10 час. вечера Джеллико отдал подобный же приказ.

31 мая в 1 час 22 мин. пополудни Джеллико сообщил адмиралтейству по радио свое местонахождение. Если бы Шеер перехватил и расшифровал это и некоторые другие сообщения, то ютландская битва не состоялась бы. Шеер, переместивший перед отплытием свои позывные сигналы на берег, сумел сохранить в тайне свой выход в море, но британское адмиралтейство... сумело перехватить и расшифровать сообщения, которые посылались германским океанским флотом.

Здесь нет нужды вновь рассказывать столь часто повторявшуюся историю ютландской битвы. Для нашей цели достаточно восстановить ее отдельные моменты.

В 2 часа 20 мин. пополудни «Галатей» сообщила Битти по радио о присутствии «двух крейсеров, вероятно, неприятельских». Радист с «Айрон Дюка» передал это сообщение Джеллико.

В 2 часа 52 мин. пополудни один из линкоров Джеллико, «Сент-Винсент», принял германский сигнал на волне 2 300 футов и передал его Джеллико. Повидимому, он не был расшифрован. «Сент-Винсент» оказался в роли «уха Дионисия»: в 3 часа 10 мин. пополудни он передал еще пять сообщений. В то же время адмиралтейство сообщило Джеллико, что в 2 часа 31 мин. пополудни легкий крейсер и эсминец неприятеля находятся в открытом море, и указало их местонахождение, установленное посредством направленного радиовещания.

В 3 часа 31 мин. пополудни гидроплан с «Энгадайна» сообщил Битти о местонахождении неприятельских крейсеров и пяти эсминцев, державших курс на северо-запад.

¹ Остров Мэй лежит при выходе в залив Фертс-оф-Фортс.

Это был первый в истории морской войны пример подобной информации, полученной через авиацию.

В 3 часа 35 мин. пополудни Битти был в состоянии сообщить Джеллико, что местонахождение крейсеров Хиппера точно установлено. Вслед за этим вскоре была сбита радиоустановка «Лайона».

В 4 часа 13 мин. «Индомитэбл» сообщил, что он слышал германские радиосигналы возрастающей силы, но лишь в 4 часа 38 мин. пополудни «Саузсемптен», легкий крейсер из эскадры Битти, увидел океанский флот Шеера. Это было первое полученное Джеллико сообщение о том, что Шеер находится в открытом море.

Как известно, благодаря плохой видимости и с помощью дымовой завесы и торпедных атак Шееру удалось уклониться от решающего боя, относительно исхода которого ни у кого не было сомнений. В последний раз видели Шеера направляющимся к западу. Джеллико направился к югу с целью отрезать ему путь к очищенным от мин проходам, по которым Шеер мог бы пройти в безопасную зону, защищенную минными полями и укреплениями Гельгоلان-да. Шеер же, как только вышел из поля зрения британского флота, взял курс по направлению к рифу Горн и пересек курс Джеллико позади его. Он прошел незамеченным мимо трех английских подводных лодок, потерял один старый корабль, натолкнувшийся на одну из мин, расставленных по приказу Джеллико «Абдиелем», и благополучно проскользнул в промежутке между большим флотом и берегом.

Битти утром был еще дальше к западу.

Что делали английские и германские радисты и расшифровщики на берегу в эту историческую ночь, когда решалась судьба германского океанского флота? Вот некоторые сигналы, посланные командованию или отправленные им.

В 9 час. 27 мин. вечера Джеллико дал сигнал эсминцам «следовать за линейными кораблями на расстоянии 5 миль». Этот сигнал был принят радистом в Неймюнстере и передан Шееру, но это принесло ему немного пользы. Как он был расшифрован, если был послан шифром, мне неизвестно.

В 9 час. 6 мин. вечера Шеер дал срочный сигнал дирижаблям выйти рано утром на разведку к рифу Горн. Адмиралтейство читало это сообщение, но я не смог найти никаких указаний на то, что оно тогда было передано Джеллико. Нельзя этому сообщению придавать слишком большого значения.

В 9 час. 14 мин. вечера Шеер отдал приказ об отступлении и указал курс для следования кораблей.

МЕСТО БОЯ

Шеер, по последним наблюдениям, взял курс на запад в 8 ч.35 м. вечера

В 9 час. 46 мин. он изменил курс и указал скорость (16 узлов).

В 9 час. 55 мин. вечера адмиралтейство предупредило Джеллико, что три флотилии эсминцев получили приказ атаковать его ночью. В 9 час. 58 мин. ему были сообщены приблизительные данные о положении хвостового корабля флота Шеера, причем курс Шеера был указан «к югу» (курс, которого держался и Джеллико); это сообщение было получено на «Айрон Дюке» в 10 час. 23 мин. вечера.

Расшифровав германские сообщения, адмиралтейство составило из них сводку, которая в зашифрованном виде была послана Джеллико в 10 час. 41 мин. Она была получена на «Айрон Дюке» в 11 час. 5 мин. и в расшифрованном виде попала в руки Джеллико к 11 час. 30 мин.

Имеющаяся в моем распоряжении информация не подтверждает мнения о том, что Джеллико было сообщено о сигнале Шеера от 9 час. 6 мин. вечера, требовавшего посылки дирижаблей на разведку к рифу Горн. В моем подборе секретных сообщений, относящихся к ютландской битве, нет указаний на ее пересылку Джеллико, но этот подбор не полон. Я могу лишь считать установленным, что адмиралтейство в 10 час. 41 мин. вечера послало Джеллико зашифрованное сообщение о том, что «неприятель, повидимому, возвращается к своей (!) базе, так как курс его ЮЮВ $3/4$ В, при скорости 16 узлов»; а в 1 час 48 мин. пополудни 1 июня Джеллико было отправлено дальнейшее сообщение о том, что «неприятельские подводные лодки, повидимому, выходят из германских портов, и какой-то поврежденный германский корабль, вероятно «Люцов»¹, находится там-то», причем была указана как долгота, так и широта его местонахождения.

В 3 часа 12 мин. утра адмиралтейство послало Джеллико сообщение, что поврежденный германский легкий крейсер в 3 часа находился в определенном пункте вместе с эсминцами. В 3 часа 29 мин. утра адмиралтейство переправило ему дальнейшее сообщение, *полученное Джеллико в 3 часа 55 мин.*, что главные силы германского флота в 2 часа 30 мин. утра были в определенном пункте (была указана долгота и широта) и держали курс на юго-восток со скоростью 16 узлов. Тогда уже было слишком поздно отрезать путь неприятелю, отправляясь с той позиции, которую занимал большой флот в указанное время (3 часа 55 мин.).

¹ «Люцов» — один из линейных крейсеров Хиппера.

В 4 часа 40 мин. утра Джеллико определенно знал, что флот Шеера вернулся в порт. Джеллико сообщил об этом Битти и поручил ему разыскать «Люцов».

В 5 час. 30 мин. адмиралтейство сообщило Джеллико, что «Эльбинг» (легкий крейсер), покинутый командой в 3 часа 47 мин., еще держался на воде. Ему было сообщено местонахождение «Эльбинга».

Если Джеллико были переданы еще другие сообщения, воспринятые «ухом Дионисия», то от них никаких следов не сохранилось в официальных сводках секретных сообщений. Следующее обнаруженное мною донесение относится к 9 час. 17 мин. утра, когда адмиралтейство сообщило Джеллико, что в 6 час. 20 мин. неприятельские подводные лодки были посланы к «Эльбингу»; указывалось также новое местонахождение «Эльбинга» к тому моменту. В 11 час. 8 мин. утра Джеллико сообщил адмиралтейству, что весь район обследован, но не удалось найти поврежденных неприятельских крейсеров¹.

Шеер, со своей стороны, возлагал большие надежды на получение информации от своих воздушных кораблей и находился под ложным впечатлением, что флот Джеллико разделился и что значительная часть его была утром в Скагерраке.

Так закончилась ютландская битва в том виде, как она представлялась на берегу по радио. Тотчас же после окончания морского боя начался словесный бой, и он продолжается по сие время. Победный словесный бой по поводу трафальгарского сражения шел больше 100 лет.

Я не собираюсь подробно говорить о пропаганде, связанной с ютландской битвой; для этого надо было бы написать целую книгу. О пропаганде вообще как дополнении к боевым действиям во время мировой войны я намерен говорить в другом месте. Как член секретариата военного кабинета я специально занимался этим делом и многое узнал во время дальнейших этапов войны, когда пропаганда достигла своего максимального влияния. Это было в тот период, когда исход войны в пользу той или иной стороны висел на волоске и многое зависело от морального состояния гражданского населения воюющих стран.

Германцы достигли своей защищенной якорной стоянки двумя днями раньше, чем Джеллико, которому нужно было покрыть расстояние в 400 миль, отделявшее его от Скапа-

¹ Как «Люцов», так и «Эльбинг» затонули ночью.

Флоу. Они, разумеется, воспользовались этим и сразу начали трубить о своей победе. То же случилось в 1794 г., когда Хоу одержал свою «славную победу 1 июня», а также после Трафальгара. После ютландской битвы я получал частные письма от различных лиц, спрашивавших меня, что же в действительности случилось. Среди них было письмо от губернатора Мальты лорда Метьюэна, а также от начальника генерального штаба британских экспедиционных армий во Франции сэра Ланселота Киггелля.

Нельсон определял морскую победу следующим образом: «Говоря о полной победе, я разумею такое положение, когда флот может остаться в открытом море, а неприятель вынужден вернуться в порт».

В течение некоторого времени пропагандисты по обе стороны Северного моря упустили из виду это определение. Первое сообщение о битве, распространенное германской стороной, гласило, что флот открытого моря встретил и разбил значительно превосходящую его силы главную часть британского большого флота. Провозглашая свою победу, немцы приводили преувеличенные данные о британских потерях.

Для оценки дальнейшего лучше всего будет заглянуть в «комнату 37» — другое хранилище «розовых секретов» адмиралтейства. Эта комната расположена рядом со «святой святых» оперативного отдела, откуда исходили оперативные приказы флоту. Цензор и его помощники работали там и передавали информацию бюро печати. Они, конечно, огорчались и не знали, что делать ввиду отсутствия сообщения для печати, а Джеллико еще только собирал и проверял сведения для своего доклада. Распространялись дикие слухи, основанные на германском коммюнике. В британские порты, расположенные поблизости от места боя, стали возвращаться корабли. Моряки отправляли телеграммы своим друзьям и родственникам, сообщая, что находятся в добром здравии. Было задержано 6 тыс. подобных телеграмм, хотя в обычных условиях внутренняя корреспонденция не подвергалась цензуре.

Сообщение агентства Рейтер из Амстердама о германском коммюнике от 31 мая было сначала задержано и дано в печать между 10 и 11 час. утра 2 июня. Наконец, 2 июня в 7 час. вечера адмиралтейство опубликовало свое сообщение, которое впоследствии подвергалось суровой критике. Официальные историки приписывают авторство этого сообщения первому лорду адмиралтейства, покойному лорду Бальфуру. Сэр Дуглас Броунригг, главный

морской цензор, разъяснил потом, что это сообщение составлено Бальфуром, первым морским лордом, совместно с адмиралом сэром Генри Джексоном и начальником морского штаба вице-адмиралом сэром Генри Оливером. Единственным материалом послужило радиосообщение, полученное от Джеллико; время его составления указано 9 час. утра, время отправки — 10 час. 35 мин. утра (эта отсрочка, повидимому, вызвана зашифровкой), а время морского цензора — 3 час. 30 мин. пополудни. Информация в этом сообщении касалась главным образом британских потерь. Задержка в установлении их была вызвана тем, что британский флот, за которым осталось поле битвы, находился еще в море долгое время после того, как Шеер, находясь в порту, смог собрать свои донесения. Джеллико лишь на следующий день после боя узнал о главных потерях своих линейных крейсеров. Адмиралтейство в своем сообщении откровенно признало эти потери, в то время как германское адмиралтейство в своем первом коммюнике не пропустило сведений о наиболее важных потерях германского флота: о потонувшем линейном крейсере «Люцове», о поврежденном «Зейдлице», еле дошедшем до порта (он потонул бы, если бы битва происходила не на столь близком расстоянии от германской базы), а также о трех крейсерах — «Эльбинге», «Ростоке» и «Фрауенлобе». Британское адмиралтейство отмечало, однако, в своем отчете самый важный момент, а именно, что «неприятель вернулся в свои порты, хотя и не избег тяжелых повреждений».

Сведения о количестве жертв во время битвы производят на обывателя более сильное впечатление, чем его стратегические результаты. Я сам наблюдал это. Первое сообщение о битве я получил от одного сослуживца, который вбежал ко мне в комнату и рассказал, что столько-то человек из моих моряков погибло на затонувших кораблях. Это было в Портсмуте, где в начале войны ходили чудовищные слухи о вероятности германского вторжения. С моей стороны, естественно, последовал вопрос: «Каковы потери врага и где его флот?» На это я получил ответ: «Потери его неизвестны. Германский океанский флот вернулся в свои гавани».

Многим потребовалось некоторое время, для того чтобы осмыслить значение происшедшего.

Я указал день и час, когда в Англии агентство Рейтер опубликовало германское коммюнике. Это было 2 июня между 10 и 11 час. утра. Каковы же были отклики во всех

странах, куда попали германские сообщения от 31 мая и 1 июня?

Опередить конкурента на один день очень важно в современном газетном деле. Все сторонники Германии торжествовали, а в нейтральных странах, вообще благожелательно относившихся к союзникам, наблюдалось сочувственное отношение к нам с оттенком сожаления.

2 июня в 7 час. 5 мин. вечера и еще в 7 час. 10 мин. Джеллико прислал дальнейшую информацию о британских потерях и все собранные им сведения о потерях неприятеля. В 11 час. 30 мин. вечера он отправил длинное и обстоятельное донесение. Все его сообщения были посланы по телеграфу. В 16 мин. пополудни Битти также прислал длинный отчет.

3 июня в 2 часа 40 мин. дня Джеллико телеграфно сообщил адмиралтейству следующее:

«В выпущенном вчера вечером коммюнике адмиралтейства преувеличены наши потери, преуменьшены жертвы неприятеля и вообще дано несколько ложное представление об операции».

Чтобы рассеять беспокойство публики, адмиралтейство 3 июня в 1 час 5 мин. пополудни опубликовало дополнительную информацию, но лишь в понедельник 5 июня бюро печати получило обстоятельное сообщение, которое впервые коснулось вопроса по существу в следующих словах:

«Когда основные силы британского флота пришли в соприкосновение с германским флотом открытого моря, потребовалось весьма немного времени, чтобы заставить германский флот, сильно пострадавший, искать убежища в своих защищенных водах. Сэр Джон Джеллико, прогнав неприятеля к его портам, вернулся на главный театр военных действий и занялся поисками поврежденных кораблей».

Если бы на борту «Айрон Дюка» был компетентный работник печати, имевший право писать по своему разумению, то подобное сообщение уже в полдень 1 июня было бы передано для всех «ушей Дионисия», настроенных в тот момент на волны британских радиостанций. И тогда не было бы никакой отсрочки, вызываемой зашифровкой и расшифровкой подобных сообщений: все это могло быть передано клэрм (без зашифровки).

Оценка результатов битвы произведена задним числом. Однако, судя по последствиям, можно сказать, что в конечном счете лучше было преуменьшить вначале результаты, чем подвергаться риску преувеличения. Такие ве-

щи никогда не остаются безнаказанными. Выражение: «врет, как бюллетень», стало поговоркой во время наполеоновских войн, и бюллетень, описывавший «победу» Вильнева над Нельсоном в трафальгарской битве 1805 г., остается еще и сейчас документом, достойным внимания пропагандистов. Эффект этого документа в некоторых наиболее отдаленных углах Европы сохранился на более долгие годы, чем первые германские коммюнике о ютландской битве. Стиль этого трафальгарского бюллетеня имеет более чем преходящий интерес. Он был выпущен в Кадиксе 25 октября 1805 г., через 4 дня после битвы. Поразительна параллель с ютландской и верденской битвами 1916 г. Вот текст этого бюллетеня:

«Операции великой морской армии в Атлантическом океане обеспечили безопасность имперской армии... Английский флот уничтожен! Нельсона больше нет!

Адмиралы Вильнев и Гравина, считая недопустимым отсиживаться в бездействии в порту, в то время как их храбрые братья по оружию завоевывают лавры в Германии, решили выйти в море и дать англичанам бой.

Они (англичане) превосходили нас числом: сорок пять¹ против наших тридцати трех кораблей. Но что значит численное превосходство противника для людей, полных решимости победить?

Адмирал Нельсон делал все, чтобы избежать боя. Он пытался уйти в Средиземное море, но подвергся преследованию и был настигнут у Трафальгара...

Добившись решительной победы, мы с нетерпением ждем приказа императора направиться к берегам неприятеля, уничтожить остаток его флота и таким образом завершить то победоносное дело, которое мы так блестяще начали!»

В Дании после ютландской битвы отсутствие информации со стороны Англии было истолковано как подтверждение германского коммюнике. В Голландии печать приняла английское молчание как признак не очень благоприятный; там, как и в Швеции, считали, что первое сообщение адмиралтейства подтверждает информацию о блестящей германской победе. Еще 5 июня голландский «Стандарт» писал, что соотношение сил на море изменилось. В Цюрихе признавали, что британские потери дают право немцам говорить о победе. Но когда немцам волею-неволей пришлось, наконец, признать, что они потеряли

¹ В действительности у Нельсона было двадцать четыре корабля.

«Люцов» и «Росток», наступила резкая реакция во всех нейтральных странах Европы — в Дании, Норвегии, Швеции, Голландии и Испании, и везде к германским «победам» стали относиться скептически. Ложные сообщения немцев привели к тому, что после некоторых колебаний нейтральные страны начали правильно оценивать достижения в морской войне и ее перспективы.

Все сказанное нами относительно инспирированных сообщений о ютландской битве, по моему мнению, не нарушает правил секретности и никому не должно причинить обиды.

В Англии за кулисами очень ревниво и тщательно охраняли тайну об одной из причин тяжелых потерь британского флота. По получении доклада сэра Юстаса д'Эйнкорта, специалиста по морским конструкциям, адмиралтейство писало, что после зрелого обсуждения оно вынуждено притти к следующему выводу:

«На некоторых кораблях, участвовавших в операции 31 мая, необходимые меры предосторожности при обращении с кардитными снарядами были принесены в жертву вполне естественному стремлению достигнуть большей быстроты стрельбы».

Адмиралтейство издало строгие инструкции о принятии мер, необходимых для безопасности стрельбы и уменьшения риска взрывов в пороховых погребах. Опасность пожаров вследствие проникновения искр в пороховые погреба во время стрельбы была уже известна нашим предкам, имевшим опыт морской войны. Я недавно заглянул в морской справочник, изданный в 1685 г. и написанный, по всей вероятности, за 50 лет до этого; там я нашел уже предупреждение канонирам об этой опасности. Это наиболее ранняя из известных инструкций по этому вопросу. Подобные же предупреждения делались и позже, между прочим, Роднеем.

Я узнал об этом секрете в частном порядке сейчас же после ютландской битвы, но ни с кем не поделился этими мыслями. В то время я состоял комендантом Истинейских казарм в Портсмуте, где готовились сотни артиллеристов для службы во флоте. Через несколько дней после битвы я отправился в Лондон по делам и в промежутке между моими посещениями Уайтхолла присутствовал на одном званом завтраке. К моему удивлению, хозяйка сообщила своим гостям (а нас было человек десять) ту тайную причину, вследствие которой, по мнению официальных кругов, наш флот понес некоторые наиболее тяжелые потери во время ютландской битвы. От меня требовали

подтверждения этого мнения, но я отделался восклицанием «Какая странная история!» или другим неопределенным замечанием. Я нарочно задержался, пока все разошлись, и спросил хозяйку, от кого она это слышала. «Это, должно быть, верно, — заявила она, — я сегодня была на трудовом утренике, и там все наши дамы говорили об этом, в том числе Х и У» (она назвала фамилии жен двух видных, знакомых мне чиновников из Уайтхолла).

Таким образом, наиболее ревниво оберегаемая тайна ютландской битвы в течение немногих дней стала секретом полишинеля в лондонском «обществе». То, что эта тайна не дошла, насколько я знаю, до неприятеля, говорит в пользу сдержанности довольно большого числа людей, которые об этом передавали друг другу. Если бы она и попала в руки неприятеля, то это, пожалуй, не принесло бы вреда.

Каково бы ни было численное соотношение выбывших из строя кораблей той и другой стороны, главный результат операции заключался в том, что наш большой флот, прошедший 400 миль от места боя, оставался под парами и уже 2 июня был готов вновь выйти в море. Что же касается германского океанского флота, то ему был необходим фундаментальный ремонт, который тянулся долго и был закончен лишь в середине августа.

Информация, данная нашей разведкой адмиралу Джеллико, была точнее и полнее, чем полученная от своей разведки адмиралом Шеером, который, повидимому, плохо ею обслуживался как перед встречей, так и во время битвы и при отступлении. По признанию самого Шеера, он был введен в заблуждение подводными лодками, находящимися рано утром 31 мая у шотландского побережья, а также цеппелинами, производившими для него разведку рано утром 1 июня. На основании полученной информации у Шеера создалось впечатление, что флот Джеллико разделился и часть его находится в Скагерраке, далеко по направлению к северу.

ГЛАВА XI

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛОРДЕ КИТЧЕНЕРЕ И ЕГО ГИБЕЛИ

(1916)

Фельдмаршал Китченер, герой Хартума, погиб через 4 дня после окончания ютландской битвы — 5 июня 1916 г. Тотчас же возникли легенды о причинах его смерти, и

даже пошли слухи, что он жив. Эти легенды существуют и поныне, и как будто нет никакой возможности проследить их до конца и раз навсегда покончить с ними. Всегда оставался невыясненным, поскольку мне известно, один вопрос, а именно, какова связь между потоплением «Гемпшира» у суровых и скалистых Оркнейских островов и ютландской битвой.

Сейчас еще рано пытаться оценить все величие Китченера; события европейской войны еще слишком свежи в памяти. Я лично познакомился с Китченером во время южноафриканской войны, которую до 1914 г в Англии все считали большой войной. Наше знакомство началось в Де-Ааре, важном железнодорожном узле в 500 милях от Кептауна, на коммуникационных путях, ведущих от моря, где господствовал британский флот, к месту расположения наших войск на фронте.

Вслед за «черной неделей» в декабре, отмеченной жестокими поражениями британских войск у Коленсо, Шторнберга и Магерсфонтейна, наступил период паники на западном фронте в Капской колонии. Главным источником этой депрессии и мрачных предсказаний был Кептаун, откуда слухи, подобно миазмам, распространялись вдоль железной дороги, пересекающей пустынные места Хай-Вельда. От этой коммуникационной линии, подверженной опасности ударов противника, зависело существование боевых частей в такой же мере, как дыхание водолаза зависит от исправности воздушного шланга. Там начинались восстания, разжигаемые неприятельскими агентами, действовавшими в этих местах. Необходимо было охранять каждую милю железной дороги от возможной подрывной работы.

Де-Аар как важный узел имел свой собственный гарнизон и своего коменданта. Там находилась моя «главная квартира». Как штабной офицер, прикомандированный к генерал-инспектору всей западной линии фронта, я вскоре стал единственным хранителем ревниво оберегаемого секретного плана предстоящего наступления, плана, автором коего был лорд Робертс. Все зависело от соблюдения секретности, которая, в свою очередь, зависела от хорошей организации, от тайной подготовки транспорта и выбора момента для решительного удара. Главное же заключалось в необходимости найти руководителя с широким кругозором.

Тогда на сцене появился Китченер. Бросались в глаза его рослая фигура и солдатская выправка. Его портупея

и сапоги были начищены, пряжки и пуговицы блестели. Мне запомнились его острые холодные глаза и нависшие брови. Он произвел на меня впечатление загадочного и в то же время властного человека. Он задал мне только один вопрос: «Где находится такая-то полевая рота саперов?» А это была единственная военная часть, о которой у меня не было сведений.

Все подробности плана передвижения наших войск он, повидимому, хранил в своей памяти. С ним был только один штабной офицер, Губерт Гамильтон, убитый во время отступления от Монса, где он командовал 3-й дивизией. Это был мой старый друг еще по школе. Он потом сказал мне, отозвав меня в сторону, что Китченер остался очень доволен мной, хотя он этого не высказывал. Гамильтон прибавил, что Китченер ненавидит волокиту армейского делопроизводства, всю эту регистрацию и раскладывание дел по папкам. Он получал сотни телеграмм, прочитывал их, запоминал нужное, сосредоточивая все внимание на наиболее важной для данного момента задаче. Затем эти телеграммы в скомканном виде попадали в карман Китченера, откуда Гамильтону, нелегко было извлечь их для приобщения к делу.

Вскоре началось восстание в Капской области. Безопасность железнодорожной линии требовала немедленного его подавления. Китченер послал меня далеко на юг, в Виктория-Вест, приказав высадить из вагонов войска, возмущенные снятием их с фронта, и отправиться с ними за сотни миль в Конгарт, центр восстания. Сам он вернулся с фронта в Де-Аар с тем, чтобы направиться в Приеску, где положение было еще хуже. Одной вести о появлении Китченера было достаточно, чтобы восстание пошло на убыль.

Таково было мое первое знакомство с Китченером.

Чтобы оценить влияние, которым пользовался Китченер к концу жизни, нужно вспомнить обстановку, в руководящих кругах, когда неожиданно вспыхнула мировая война. Наши государственные деятели и руководители генерального штаба не понимали грандиозности стоявших перед ними задач. Это определенно подтвердил сэр Уильям Робертсон, один из руководителей генерального штаба в момент возникновения войны. Ветеран лорд Робертс давно предупреждал правительство и народ, но его призывы не встречали отклика. Престиж Китченера был очень велик. Страна знала его как победоносного героя африканских войн, как спасителя Судана и, быть

может, даже Египта от набегов фанатических орд из пустынь; как реформатора военного дела в Индии, где он, не считаясь с соображениями о своей карьере, вступил в борьбу с могущественным вице-королем; как солдата, подвиги которого ставили его много выше других военных того времени; наконец, как человека, на которого можно опереться в момент тяжелого кризиса, но который может хорошо проявить себя только в роли самодержавного повелителя, но не в роли товарища или подчиненного.

Премьер-министр Асквит правильно оценил общественное мнение, задержав Китченера как раз в нужный момент, когда он собирался вернуться к своей работе в Египте. Через 36 часов после объявления войны Китченер был утвержден военным министром и членом военного совета. На нем лежала ответственность за выполнение планов, в составлении которых он не принимал участия. Большинство руководящих членов генерального штаба тогда укладывали свои вещи, собираясь вместе с армией во Францию. Китченер был единственным человеком среди ответственных государственных и военных деятелей Англии и других стран, предвидевшим, какие огромные жертвы в течение длительного периода потребуются, пока союзные армии сумеют добиться победы. Уолтер Пейдж, американский посол в Великобритании, в немногих словах воздал должное работе Китченера в пользу дела союзников. «Его имя, — сказал он, — породило великую армию».

Все еще хорошо помнят, и нам нет нужды подробнее говорить о таких фактах, как например, о его личном визите к сэру Джону Френчу во Франции за 5 дней до того, как британский экспедиционный корпус прекратил отступление и повернул на север, чтобы внести свою долю в дело победы на Марне; а его встреча с французскими государственными и военными деятелями в Дюнкерке в ноябре 1914 г., когда он заявил, что вновь сформированные британские армии не смогут быть брошены в водоворот войны, раньше чем они будут полностью обучены и экипированы, чего нельзя ожидать раньше 1916 г.; об изменении им своей позиции осенью 1915 г., когда он предложил Френчу и Хейгу, вопреки их более правильному мнению, идти навстречу просьбам Жоффра и Фоша и предпринять дорогостоящие наступательные операции осенью того года; о его поездке в район военных действий нашей средиземноморской экспедиции в декабре того же года, когда он своим огромным авторитетом поддержал

предложение, еще раньше выдвинутое находившимся на месте сэром Чарльзом Монро, — отказаться вследствие огромных жертв от продолжения дарданелльской кампании; что являлось признанием неудачи этого плохо подготовленного предприятия, а потому должно было поколебать и действительно поколебало общественное доверие к нашему военному руководству. Затем в 1916 г. началась полоса тяжелых испытаний для французской армии, которая, начиная с февраля, сдерживала концентрированный натиск германцев на Верден; возникла опасность, что германские армии добьются успеха, если их не отвлечь наступлением на каком-нибудь другом фронте. Тогда было решено бросить «новые армии Китченера», еще не вполне готовые, в дорогостоящие бои на Сомме, имевшие целью улучшить общее положение. И, наконец, далеко немаловажные события: наступательные действия русских армий на восточном фронте. Бои у озера Нароч, начавшиеся в марте, успешно развивались почти до конца апреля, когда завоеванная территория была вновь потеряна, после чего развернулась подготовка победоносного наступления Брусилова, которое должно было начаться 4 июня, — в тот самый день, когда Китченер отправился в свое путешествие, которому суждено было быть последним.

Почему он был направлен в Россию?

Общее разложение, царившее в высших кругах России, неспособность и продажность бюрократии — все это привело к тому, что армии на фронте не имели ни оружия, ни снаряжения. В таких условиях Китченеру, имя которого пользовалось весом на всем восточном полушарии, было предложено отправиться в Россию, так как надеялись, что присутствие этого сильного и беспристрастного человека будет способствовать принятию разумных решений. Тайна его поездки и ее цели тщательно и строго охранялись. В большом флоте в Скапа-Флоу никто, кроме главнокомандующего, а в свое время и капитана «Гемпшира»¹, не знал о его поездке. «Гемпшир» вернулся в Скапа-Флоу в пятницу 3 июня в 5 час. 30 мин. утра.

Мы уже бегло ознакомились с деятельностью британской контрразведки вплоть до того дня, как погиб «Гемпшир». Мы знаем, что в самый день объявления войны вся система германского шпионажа была парализована

¹ Крейсер, который только что вернулся после ютландской битвы и должен был доставить Китченера в Архангельск.

в разных местах Британии, в особенности на побережье. Мы отметили попытки заменить провалившихся шпионов новыми людьми вроде Лоди в 1914 г. или Карла Фридриха Мюллера в 1915 г. После многих облав 1915 г. и после казни последнего шпиона в апреле 1916 г. (это был перуанец, так как некоторое время немцев-шпионов в Англию не направляли) попытка Германии наладить шпионскую работу в Англии закончилась полной неудачей. Даже британский наблюдатель на Оркнейских островах не мог знать, какой курс возьмет «Гемпшир», до того момента, как он покинул Скапа-Флоу.

Я могу удостоверить, что еще до войны, как только возникали разные слухи об агрессивных планах германцев и о возможности их вторжения в Англию, содержатели постоянных дворов, береговая охрана и местные жители по собственной инициативе тщательно присматривались к каждому подозрительному иностранцу. При существовавших в военное время ограничениях для путешественников, направлявшихся на север, в 1916 г. каждый иностранный шпион, который пытался бы достигнуть нашей морской базы на Оркнейских островах, столь важной для флота, шел бы на верную смерть. Каждая миля береговой линии находилась под постоянным надзором специалистов по морским делам. В ясную погоду даже перископ подводной лодки вряд ли мог бы ускользнуть от внимания береговой стражи. Ночью или в туман с борта неприятельской подводной лодки ничего нельзя было разглядеть, хотя нужно отметить, что германские подводные лодки действительно гораздо раньше британских были снабжены радиоаппаратами большого радиуса действия для сношений с германскими морскими базами в Северном море.

Две германские подводные лодки, № 43 и 44, стояли против выхода из Скапа-Флоу, по которому прошел большой флот 30 мая и затем снова 2 июня. Но им не удалось послать адмиралу Шееру информацию о передвижении британского флота, на которую он рассчитывал, чтобы избежать встречи с Джеллико. Это опять возвращает нас к ютландской битве и к тому, каким образом план Шеера (а последний уж наверняка ничего не знал о предполагаемой поездке Китченера) привел к гибели «Гемпшира» и его пассажиров.

Адмирал Шеер стал во главе океанского флота в январе 1916 г., после смерти адмирала фон Поля. Давление морских сил союзников ощущалось тогда в Германии, где

задавали вопрос: «К чему нам океанский флот, если он никогда не выходит из гавани?» Как мы уже отметили, после налетов на Лоустофт и на Армут, совершенных в апреле, Шеер выработал план рейда на Сэндерленд, в котором должен был принимать участие и океанский флот. Была расставлена цепь цеппелинов, которые должны были своевременно сообщить Шееру о приближении британского большого флота. С 17 по 22 мая значительно к северу от Доггер-бенка была протянута цепь из 9 подводных лодок, которые должны были потопить часть флота Джеллико, если бы он, узнав во-время о появлении океанского флота, вышел в море с целью заставить Шеера принять бой. Рейд должен был состояться 18 мая.

Начиная с этого дня была плохая видимость, и наблюдатели на цеппелинах не могли дать нужную информацию. Тогда Шеер выработал новый план — выдвинуться вперед 31 мая в направлении Скагеррака. Этот план привел к сражению. Так как воздушная разведка не оправдала надежд, то Шеер решил двинуть подводные лодки поближе к британским портам, где находились, по имеющимся у него сведениям, корабли Джеллико и Битти. Две подводные лодки должны были следить за выходом Джеллико из Скапа-Флоу, остальные 7 должны были следить за выходом кораблей из Фертс-оф-Фортса. Кроме того была принята еще одна мера — та самая, которая привела к гибели Китченера.

Каким образом были раскрыты все эти тайны, это уже другой вопрос. Нас теперь интересует лишь подводная лодка № 75, которая была приспособлена для расстановки мин. Шеер направил ее к западу от Оркнейских островов, чтобы преградить минами этот путь на случай, если часть судов Джеллико направится по нему в Северное море. Здесь я могу сослаться на авторитетный источник — на самого Курта Бейцена, капитана подводной лодки № 75, который подтвердил, что мины были расставлены именно с целью вывести из строя часть большого флота, а не с какой-либо другой. 29 мая между 6 и 8 час. 35 мин. утра были расставлены 22 мины на глубине 24 футов от поверхности при высокой воде.

История последних часов жизни Китченера известна лучше, чем подлинная причина катастрофы. Лорд Китченер в сопровождении бригадного генерала Эллершоу, сэра Дональдсона, полковника Фицджеральда, представителя министерства иностранных дел О'Бейрна, представителя министерства снабжения Робертсона и второго

лейтенанта Макферсона прибыл в Терсо утреним поездом 5 июня 1916 г. и на эсминце «Ок» переправился через Пентленд-Ферт. В то время дул свежий ветер, но в Скапа-Флоу, этом своего рода внутреннем море и единственной защищенной якорной стоянке для большого флота, было спокойнее. Большинство кораблей большого флота, участвовавших в ютландской битве, вернулось туда тремя днями раньше.

Китченер направился на «Айрон Дюк», флагманское судно Джеллико. При обходе корабля он был встречен овацией офицеров и экипажа. Он завтракал в каюте адмирала; в его разговоре чувствовалось несколько приподнятое настроение. На свою поездку в Россию Китченер смотрел, как на экскурсию в целях отдыха. Он чувствовал усталость после двухлетнего напряжения. Он упоминал также о затруднениях, которые он испытывает при обсуждении различных вопросов в кабинете (лорд Фишер в свое время испытывал такие же затруднения). Китченер должен был считаться со своим расписанием времени: начало наступления на Сомме, где должны были получить боевое крещение его новые армии, было назначено на 1 июля, вследствие чего в распоряжении Китченера оставалось только три недели. Он не хотел терять ни одного дня и надеялся как можно меньше времени потратить на поездку в Архангельск. Эту задачу, должен был выполнить флот.

Мы теперь знаем, где были расставлены мины подводной лодкой № 75 рано утром 29 мая. Но Джеллико этого не знал. До этого времени севернее Фертс-оф-Фортса ни разу не были обнаружены мины, расставленные германскими подводными лодками. В короткие июньские ночи, когда темнота длится только два часа, неприятельские надводные корабли вряд ли могли бы расставить мины столь близко от стоянки большого флота: их приближение сразу же было бы замечено. Тем не менее, протравливание фарватера по обеим сторонам Оркнейских островов производилось регулярно, но за последние дни вследствие очень плохой погоды этого сделано не было.

Реальную опасность представляли германские подводные лодки, применявшие торпеды, поэтому «Гемпширу» необходим был эскорт эсминцев. Эти эсминцы были готовы. Предполагалось, что «Гемпшир» пойдет по восточному проходу, и капитан получил соответственный приказ 4 июня; но в понедельник поднялся сильный юго-восточный ветер, и море к востоку от островов стало бурным.